

«САМА ЖИЗНЬ» НАТАЛИИ ТРАУБЕРГ

Алексей Козырев

«Сама жизнь» Наталии Леонидовны Трауберг запечатлелась для нас в серии ненавязчивых диалогов, изящных эссе, воспоминательных историй, несущих на себе печать времени исторического и времени литературного. Есть два мира — подлунный и литературный, их населяют похожие люди, в них светят похожие светила, текут похожие реки — похожие, да не одни. Но

эти миры встречаются, пересекаются, между ними есть точки перехода, узкие мостики, по которым мы можем бежать, чтобы спрятаться или, на худой конец, перекантоваться, если нам в этом мире станет совсем уж не по себе. Вот так и получалось у героини этой автобиографической книги, которая писалась непреднамеренно и не нарочно, соткана из разных, по случаю, по

поводу и в связи написанных текстов. Может быть, предчувствие близящейся смерти или старость, болезнь не дали автору окончательно отобрать материал, привести его в систему — оттого в книге немало повторов и она несет на себе печать незавершенности. «Ведь если можно с кем-то жизнь делить, то кто же с нами нашу смерть разделит?», спросил Бродский в «Большой эле-

гии Джону Донну», и эти слова могут быть риторически обращены и к опыту чтения этой книги, автор которой выступает для нас живым собеседником, а для кого-то из молодых читателей может быть мудрой бабушкой, поучающей не поучая, иногда донося то, что пели на кухнях в 50-х и 60-х, а иногда — пронзая мозг глубиной житейских прозрений. Кроме того, опыт жизни многих героев этой книги много ценнее любых поучений.

Наталия Трауберг известна, прежде всего, как переводчик Льюиса, Честертона и Вудхауза. Настоящим удивлением была для меня появившаяся в последнем советском 1991 году книга «Вечный человек», собравшая сделанные Наталией Леонидовной в 60-е годы и вышедшие в ту пору в самиздате переводы честертонских работ о христианстве и о святых. Выпущенная «Политиздатом», эта книга резко выбивалась своей человечностью из ряда «перестроечной» литературы, с «огоньковскими» громкими разоблачениями и клятвами в верности ленинизму. Я был поражен, как нескучно можно писать о Фоме и Франциске, и какому-то особо чуждым тогдашнему неоязыческому пылу христианством этой книги.

Важную тему, звучащую сквозь ткань текста «Самой жизни», перефразировав Мандельштама, можно обозначить так: можно ли оторвать себя от века, жить в свое время не в ногу со временем, если эпоха, в которую ты живешь (несмотря на все ее величие), не устраивает тебя своей подлостью, лицемерием, фальшью. Сейчас модно ностальгировать по советским временам, феномен этой ностальгии подмечает и сам автор, столь недавно нас покинувший. Может быть, стгущая краски, автор рисует довольно душную атмосферу, в которой всё же образовывались «отдушины», имея в виду тот круг общения, который складывался по опознаваемым знакам духовной близости. Духовные искания, «круг чтения» или переписываемые и в тайне передаваемые друг другу стихи были тем паролем, по которому люди находили друг друга и вопреки всяким официальным институтам, часто изгнанные оттуда (увольняли ведь не только явных

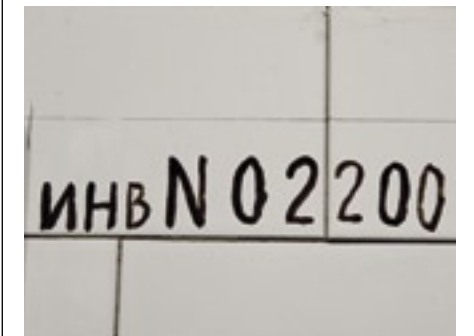
диссидентов!), совершали вместе ту работу, подчас не столь заметную и броскую, которая не только точила какой-то там камень или твердыню атеизма или марксизма, но просто создавала непрерывную ткань культуры, немыслимой без исторической памяти и навыков вдумчивого чтения.

Книга эта о несоветских людях, живших в советское время, «особенных» людях, как называет их автор. Во всякое время есть немного особенных людей, встретив которых, ты сразу опознаешь их. Д. Хармс и его друзья называли их вестниками, или ангелами. Все они немножко умели «ходить по воде». Потом о них сняли свои фильмы Андрей Тарковский и Вим Вендерс. Опознать такую особость тоже дано не всякому, для этого самому в себе нужно иметь толику «особинки», «чудинки». Но к особости еще добавляется доброта. Трауберг нарекает это законом Биллингтона (к американскому слависту, автору известной книги «Икона и топор», он имеет косвенное отношение, просто формулировка закона пришла во время его лекции в Иностранке): «Или у человека воля обращена к добру, или нет. Если обращена, то даже доброта у него другая, не насильственная. Он действительно хочет каждому того же, что себе». Это о людях, глаза которых «лучатся светом». Трудно передать на письме этот почти что незримый свет. Владимир Муравьев, Николай Томашевский, Сергей Аверинцев, Томас Венцлова, Иосиф Бродский, Елеазар Мелетинский, священники Александр Мень, Станислав Добровольский и Георгий Чистяков. Даже кот Кеша (Инносент Коттон Грей), который был избран председателем Честертонского общества, основанного в год 100-летия писателя, и тот не лишен человеческой «особинки». Вообще, свойственный московской интеллигенции культ кошки, несомненно, роднит нас с Древним Египтом. Еще Бердяев с Гершензоном издавали рукописный журнал «Бульвар и переулок», на обложке которого фигурировали символизирующие эти пространства пёс и кот. Спор собачников и кошатников для русской культуры не менее важен, чем, скажем, пресловутый спор «физиков» и «лириков». Наряду с «шумом времени» читатель за-

дается вместе с рассказчицей немудреными вопросами, которые лишь на первый взгляд могут показаться смешными — кощунственно ли класть заболевшего кота под иконы и есть ли онтологический статус у крысы. Напомним читателю, что из подобных житейских вопросов родился платонизм и что вообще философия не так уж далека от «самой жизни», как иногда начинает казаться (особенно столкнувшись с ее учебным, университетским изводом!).

Но оставим кошкам их неведомый человеку кошачий рай, отнять который у них не в силах даже советская власть. Наталия Трауберг рассказывает нам о людях, не разделяя их на более известных и менее известных. Мне довелось знать некоторых из них, а с самой Наталией Леонидовной мы несколько раз встречались из года в год на Татьянин день в уютной арбатской квартире Котрелевых и даже независимо друг от друга вели прямые эфиры по радио «София». Но дело-то не в личных знакомствах. Книгу будет интересно читать и совсем молодым, для кого эти имена уже такое же предание, как Пушкин или Цветаева. Недаром ведь автор лелеет надежду (и весьма небезосновательно), что затаились где-то юноши и девушки, способные без постмодернистской иронии прочесть льюисовского «Баламута» или честертонскую «Ортодоксию». Для таких людей мы, собственно, и делаем наш журнал. И «Сама жизнь» их чему-то научит. Ведь Наталия Леонидовна считала, что «книжки все-таки вправе что-то делать с душой, не назиданиями, а настроением».

Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008. 440 с.

Дмитрий Шорин «Тихий океан», 2009